

Он постарался максимально отсрочить момент просмотра ролика. Не хотелось убивать наслаждения завтраком, который он, право же, заслужил. Но краем глаза посмотреть все равно придется, потому что, раз уж она выбилась в топ новостей, ему не удастся уклониться и от комментариев.

У Мэл после завтрака были дела, и она ушла к себе. Он еще помедлил, потом глубоко вздохнул, придвинул к себе ноутбук и нажал на пуск записи.

Так. Ну все понятно. Вобщем, сидя там у себя в стране третьего мира (где-то в Восточной Европе, маленькое пятнышко на карте, но где именно, он сразу позабыл) она пришла в отчаяние от невозможности заполучить его любовь и по этой причине довольно качественно порезала себе вены. Судя по всему, это было не показное самоубийство: ее взрослые дети... (ну надо же, у нее есть взрослые дети. Хотя да, там рожают рано, как у нас латиносы – заняться-то все равно особенно нечем)... Ее дети живут где-то далеко от нее, а она – одна в своем крошечном депрессивном городке. То есть она вполне могла рассчитывать, что ее найдут не скоро. Но, так или иначе, ее все же обнаружили, отвезли в больницу и откачали (странно, ведь там у них в больницах нет лекарств, врачей и все подряд мрут, как мухи... так, во всяком случае, гласит CNN). И вот, придя в себя, она призналась врачу, что сделала это ради какого-то голливудского актера...

И тут сработала дьявольская цепочка совпадений. Врач с усмешкой написал об этой истории на своей странице в соцсети. Кто-то из местных журналистов на фоне безрыбья подумал, что это хороший инфоповод. Новость поползла дальше и выше. Ее подхватили медиа покрупнее. По-видимому, она совпала еще и с местным трендом завистливой нелюбви к США. Так или иначе, но через пару дней неудавшуюся самоубийцу уже жалели в крупнейших СМИ их третьестепенной страны. Что же было дальше? Да в сущности, неважно. Возможно, кто-то из подписчиц посвященных ему фанатских пабликов решил запостить этот оригинальный сюжет в Фэйсбук и Твиттер. По какой-то загадочной причине пост набрал множество просмотров и попал в топы. И вот результат: сейчас он тоже обязан думать о ней.

Он снова устало вздохнул. Вобщем, дамочка может быть довольна. Без особого труда она добилась популярности, на которую у других уходят годы жизни и уйма денег. Правда, эта популярность недолговечна. Через неделю все закончится. И, как он надеялся, больше не повторится никогда.

Слушать ее голос было выше его сил; к счастью, под роликом была ссылка на текст интервью. Он напрягся и прочел несколько фраз. Впрочем, в текстовом виде это оказалось не так страшно. По крайней мере, она не была наглой истеричкой, как та, самая первая. И ей тоже, по ее словам, было стыдно.

«Я понимаю, что не имела права желать то, что я пожелала. Я не знаю, как это со мной произошло. Как это вдруг накрыло меня. Я ведь знаю, как положено вести себя его фанаткам. Да и любым фанаткам. Что им положено чувствовать. Должно быть, они должны испытывать только приятные эмоции, разглядывая его бесчисленные фото в пабликах и признаваясь в любви... Они как-то на это способны. Не знаю, как. Они как-то умеют одновременно обожать его и любить своих мужей. У них у всех есть мужья, представляете? А у многих – и дети, и они смотрят его фильмы вместе с ними после ужина... У них всех есть какая-то своя жизнь, какие-то свои радости. А он для них – просто украшение этой жизни... А я так не смогла. Я знаю, это неправильно и очень глупо, но я не смогла. Он – не украшение моей жизни. Он – ее единственное содержание. И ее гибель...»

Ну, не скажи, невольно возразил он про себя. Ох уж эта мания считать себя

исключительностью, даже в страданиях! Конечно, он не мог припомнить, где и когда (не раз, наверное), но он точно видел такие же формулировки – про смысл жизни, сосредоточенный в нем, про одержимость, про боль... Несчастные фанатки попадают в соотношении примерно одна к тридцати. Просто они благоразумно молчат об этом.

«Я знаю, что это чудовищный эгоизм. Как вообще можно сметь даже на миг возмечтать, что этот божественный красавец с обложки может полюбить такое никому неизвестное ничтожество, как я? Да как была бы возможна, даже гипотетически, наша встреча? Если ради секундного рукопожатия и получения автографа богатые американки платят космические деньги за билет в театр на Бродвее, то как могла я представить себе, что ты вдруг приедешь сюда, в нашу глушь, увидишь меня, полюбишь и... Я говорю это, и сама содрогаюсь от стыда за свою нелепость. Но ведь эта конструкция была (да и есть) реальной для меня. Я в течении нескольких месяцев... простите, что я это говорю.... Я ежедневно была с ним, в его обществе. Я засыпала и просыпалась в его объятиях. Я постоянно разговаривала с ним, и нам было так интересно, так хорошо вдвоем! Мы поженились, и у нас были дети. Сначала – девочка, потом... Я знаю, это так смешно слышать. Ну так посмейтесь надо мной, я не обижусь.

Знаете, наверное, именно эти паблики и существование десятков тысяч других фанаток и привели меня к отчаянию, после чего мне пришлось сделать это. Не знаю, как это объяснить... Вобщем, пока я ничего о нем не знала, только знала, что он есть, и постоянно пересматривала его фильмы, он был безвольной картинкой в моих руках, и я могла делать с ним, что угодно. Привезти его сюда, стать его женой – лучшей женой на свете! – прожить с ним всю жизнь. Но я зачем-то решила смешать иллюзию и реальность. Вот дурочка, я полезла в соцсети. Зачем? Видимо, мне перестало хватить визуального материала для лепки моих иллюзий, я все израсходовала; нужно было пополнение. К тому же, я в величайшей наивности позволила себе думать, что если я буду писать туда, то у него будет больше возможности поскорее меня заметить... Ведь я уже так немолода, мне нужно спешить... Конечно, нужно было удерживаться в рамках одного жанра – либо мечта, либо реальность. Если только мечта – то уповать только на Бога, искренне верить, что Бог мне поможет и Он как-то найдет меня. Как – неважно. А реальность дает право только ставить сердечки под его фотографиями в соцсетях и копить деньги на билет в бродвейский театр (сначала, конечно, на самолет в Америку), чтобы получить за эти деньги честно положенное мне секундное рукопожатие и автограф, но ни одной, ни единой мысли обо мне...

А я смешала. Злая (точнее, самая обыкновенная) реальность вторглась в мои сладкие мечты и убила меня. Я увидела десятки тысяч красивых молоденьких фанаток, которые в силах любить его и не страдать при этом. Я почувствовала себя последней в этих рядах красивых амазонок. Смешно сказать, но я жутко ревновала к нему всю эту толпу... Каждый новый пост, где он стоял и улыбался, такой прекрасный и уверенный в себе, в окружении очередных счастливчиков, обладающих правом доступа к нему – сценаристов, режиссеров, журналистов, фотографов и бог весть кого еще – резал мое сердце, как ножом. Он перестал быть абстракцией, из которой можно лепить любую мечту и класть ее с собой в кровать, прижимаясь к милому плечу. Он стал настоящим, но от этого сделался бесконечно далеким.

Я уже не могла говорить ему «ты». Теперь я говорю «он». И его улыбка с фотографий, которой умеют наслаждаться «правильные» фанатки, повергает меня в отчаяние, потому что всякий раз напоминает мне: мы находимся в разных мирах, которым не суждено пересечься. Гипотетические автограф-сессии – не в счет.

Ах, я понимаю, понимаю, как это жалко и мерзко – желать присвоить самый лакомый на свете плод, который ты, к тому же, меньше всех на свете заслужила. Но я ничего не могу с собой поделать. Теперь я познала значение этих слов «я ничего не могу с собой поделать». Раньше я

бездумно произносила их, не понимая ужасного смысла. Теперь – понимаю. Иногда я с тоской думаю о временах, когда я его не знала. Или знала, но это чудовищное, убивающее чувство еще не захватило меня. Вообще с некоторых пор я каждую веху своей жизни сопоставляю с его жизнью. Такой-то год у меня – а что тогда делал он? Ах да, он снимался там-то и там-то, фотографировался на таком-то и таком-то кинофестивале. Никакого иного смысла, кроме как соотноситься с его жизнью, у моих воспоминаний нет.

Он – смысл моей жизни. Знаете, что это значит? Да, я тоже не знала раньше, и преступно разбрасывалась этими словами. Это значит, что в каждом предмете, в каждом действии, в каждом своем шаге ты видишь его. Думая о чем угодно, ты думаешь в то же время и о нем. Он всегда рядом, хотя теперь я, из невольного чувства самосохранения, перестала приглашать его в свою жизнь намеренно – я знаю, чем это для меня кончается. Раньше я ласково разговаривала с ним, теперь – молчу и прошу его уйти. Хотя прошу ли? Конечно, нет. Нет у человека сил отринуть самое прекрасное, что есть на свете. Единственное, что есть на свете! Даже если в этом – его гибель.

Знаете, я тут продолжаю исследовать языковые шаблоны, которые только сейчас открыли мне свой истинный смысл. Например, вот это казавшееся мне раньше нелепым выражение «весь свет на нем клином сошелся» теперь стало абсолютно нормальным, чисто физическим определением моего состояния. Именно так – мир схлопнулся в одну точку, и эта точка – он. Не нужно больше ничего, и нет больше ничего, кроме него. Нет также и меня. Понятие «я» – это просто инструмент для восприятия Его. Я, как никогда ранее, ощущаю свою пустоту. Свое отсутствие. Но меня это не ужасает и не огорчает, как должно было быть. Оказывается, в этом нет обещанного экзистенциального ужаса. Я ведь знаю, что смысл меня, то единственное, для чего я существую и чем следовало бы заполнить меня – это Он. А так как достичь Его невозможно (теперь я как никогда ранее познала понятие «невозможно»), то смысл меня – лишь бесконечное бесплодное желание. Страдание от невозможности обладать. С утра и до вечера. Почему-то утром особенно плохо. Странно, почему? Потом я отправляюсь на пробежку, кровь начинает бегать быстрее, и становится немного легче...»

<http://tl.rulate.ru/book/52916/1336890>